

СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ КОМИ ОБЛАСТНЫХ ПАРТИЙНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ (1921–1940 гг.)

Н. В. КИРОСОВА,

*старший преподаватель кафедры документоведения,
архивоведения и прикладной лингвистики
ГАОУ ВПО «Коми республиканская академия
государственной службы и управления»
(г. Сыктывкар, РФ)*

В настоящее время одними из важнейших остаются вопросы истории национально-государственного строительства. Изучению становления и развития государственности Республики Коми посвящено большое число работ таких авторов, как В. Н. Давыдов, О. Ю. Кузванова, А. Д. Напалков, А. А. Попов, А. Ф. Сметанин, М. В. Таскаев и др. Нельзя не согласиться с тем, что в этом процессе главенствующую роль играла Коми областная партийная организация. Как справедливо отмечают А. Д. Напалков и А. Ф. Сметанин, «значение Коми областной коммунистической организации в политической истории республики, управленческом процессе можно показать, только проанализировав ее деятельность комплексно» [1, 3].

На наш взгляд, теме партийного строительства не было уделено должного внимания в исторической науке. Историографический анализ свидетельствует о том, что значение Коми областных партийных конференций как высшего партийного органа в развитии областной партийной организации рассматривалось лишь в контексте создания Коми автономии. Кроме того, обобщающие труды по истории партийного строительства датируются 1960–1980-ми гг., в них не исследована подробно система подготовки и проведения указанных конференций. Нами предпринята попытка проанализировать архив-

ные документы с точки зрения заявленной проблематики и ввести в научный оборот ранее не использованные источники.

В соответствии с уставами РКП(б) – ВКП(б) высшим партийным органом являлся съезд (конференция). Это распространялось и на регионы (губернии, области), поскольку партия строилась на принципах демократического централизма по территориальному признаку. В исследуемый автором статьи период состоялось 17 Коми облпартконференций. По Уставу РКП(б) 1919 г. они должны были собираться каждые шесть месяцев, а принятый в 1922 г. новый Устав РКП(б) позволял увеличить срок созыва конференций до одного года с согласия ЦК РКП(б).

Вопрос об увеличении срока созыва впервые был поднят на II Коми областной партийной конференции (1922), что было обусловлено рядом объективных причин, в том числе большой территориальной протяженностью области и отсутствием дорог. Однако решение не было принято сразу. Так, в докладе по партийному строительству на VI Коми облпартконференции (1924) в качестве аргумента в пользу более редкого проведения таких мероприятий приводилось следующее соображение: областная конференция из шести месяцев работы отнимает у делегатов один-два месяца, а «на конференции почти всегда бывает основное ядро работников с мест» [2, д. 42, л. 61].

В 1925 г. был принят новый Устав ВКП(б), согласно которому областные партийные конференции могли созываться один раз в год. Делегатам VII Коми облпартконференции (1926) перед принятием решения об увеличении срока созыва было разъяснено, что «в период военного коммунизма обстановка Советской России менялась и в связи с этим и резолюции партийных съездов изменялись... с переходом к хозяйственному строительству перерыв между съездами необходимо увеличить» [2, д. 59, л. 5 об]. В дальнейшем, во второй половине 1930-х гг., областные партийные конференции стали проходить через полтора года, что не противоречило новой редакции Устава ВКП(б) 1934 г., однако этот вопрос на обсуждение делегатами не выносился.

Анализ периодичности проведения Коми областных партийных конференций показал, что определенные партийными уставами сроки не всегда соблюдались. Как правило, областные конференции созывались накануне или сразу после всероссийских (всесоюзных) съездов и конференций с целью обсуждения первоочередных задач либо выработки решения по важнейшим для Коми автономной области социально-политическим и социально-экономическим проблемам.

Нормы представительства на Коми областную партийную конференцию определял обком партии (решением бюро обкома). Поскольку в организационную структуру РКП(б) – ВКП(б) был заложен территориальный принцип, то эти нормы зависели от существующей системы административно-территориального деления региона в конкретный исторический период. Например, на I Всезырянском съезде коммунистов в 1921 г. присутствовали делегаты от шести уездов, на II–IX Коми облпартконференциях (1922–1929) – от четырех уездов. В 1929 г. в Коми автономной области было организовано девять районов и один город областного подчинения. В связи с этим в работе X–XIII Коми облпартконференций (1929–1934) участвовали представители районных и городской партийных организаций. После принятия Конституции СССР

в 1936 г. область была переименована в Коми АССР, в ее составе был образован Печорский округ. Следовательно, выборы делегатов с этого времени осуществлялись на районных, городской и окружной партконференциях.

При установлении решающего или совещательного голоса делегатов также применялись нормы представительства. Мандатные комиссии, выбранные на Коми облпартконференциях, были наделены правом предлагать к рассмотрению и утверждению кандидатуры для определения того или иного голоса. В разные годы действовали различные нормы, но правом решающего голоса в основном обладали делегаты, избранные на уездных, районных, городской и окружной партийных конференциях. Норма представительства делегатов с решающим голосом утверждалась решением бюро обкома партии из расчета один делегат от 20 членов местных партийных организаций. Только при выборе делегатов на XIII конференцию (1934) была установлена иная норма – один делегат от 15 членов партии. Исходя из анализа архивных документов можно утверждать, что нормы представительства в целом соблюдались. Лишь на V Коми облпартконференции (1924) число делегатов с решающим голосом было значительно выше нормы.

В исследованных нами источниках отсутствует информация о норме представительства делегатов с совещательным голосом, который, как правило, отдавался членам обкома партии, областной контрольной, ревизионной, мандатной комиссий и др. Только в докладах мандатных комиссий на XVI и XVII Коми областных партийных конференциях (1939, 1940) были приведены такие сведения: соответственно один делегат с совещательным голосом от 30 кандидатов ВКП(б) и один делегат от 50 кандидатов ВКП(б).

Организационное оформление Коми областной партийной организации по времени совпало с началом проведения «зырянизации». В начале 1920-х гг. коми язык распространился на все сферы общественно-политической жизни и полу-

чил официальный статус государственно-го. Делегаты облпартконференций активно обсуждали этот процесс. Однако, несмотря на то что большинство присутствующих на этих мероприятиях были коми по национальности (как и в составе самой областной партийной организации), рабочий язык конференций оставался русским, т. е. все доклады делались на русском языке. Лишь на XI конференции (1930) отчетный доклад областной контрольной комиссии прозвучал на коми языке. Выступая в прениях, некоторые делегаты также говорили на коми, но их доля в общей численности присутствующих была незначительной. Архивные документы свидетельствуют о том, что по отношению к комиязычным делегатам высказывалось недовольство со стороны русскоговорящих. Так, на III Коми облпартконференции (1922) речь одного из представителей была прервана из-за нарушения регламента. В его защиту выступил делегат Чеусов: «Приехали делегаты с мест из деревни и не умеют чисто говорить по-русски, а поэтому срок [выступления] ограничить... нет надобности, ибо конференции интересно знать положение мест» [2, д. 16, л. 12].

Тематика повесток дня Коми областных партийных конференций была разнообразной и менялась в различные периоды, но приоритетными всегда оставались вопросы экономического развития области и партийного строительства. По нашим подсчетам, первые составляли 33,0 % от общего числа рассматриваемых проблем за весь исследуемый период, вторые – 27,3 %, на остальные (политическое положение в стране, советское строительство, взаимодействие партии с общественными организациями и др.) приходилось менее 40,0 %.

Распределение обсуждаемых вопросов по периодам позволяет сделать вывод, что в первой половине 1920-х гг. повестки дня Коми облпартконференций были более разнообразными, чем в последующий период. Делегаты дискутировали по поводу идейно-политического воспитания членов партии, культурно-просветительной работы среди населения, взаимодействия

с профсоюзом, комсомолом, пионерской организацией и др. Во второй половине 1920-х гг. число таких тем существенно сократилось за счет увеличения доли вопросов партийного и советского строительства. После XIII Коми областной партийной конференции (1934) последние вообще не включались в повестки дня как самостоятельные позиции, а являлись составными частями отчетных докладов обкома. Это относится и к проблеме экономического развития области, а также некоторым другим.

В Национальном архиве Республики Коми сохранились анкеты делегатов восьми Коми облпартконференций, проходивших с 1922 по 1929 г. Они представляют собой отпечатанные на пишущей машинке бланки для сбора сведений о возрасте, поле, социальном положении, национальности, образовании, занимаемой должности или выполняемой работе, партийном стаже, делегирующей организации и др. Также в разные годы анкеты включали в себя различные вопросы с целью изучения мнений делегатов по тому или иному вопросу либо получения дополнительной информации о присутствующих. Например, в анкете делегата II Коми областной партийной конференции были вопросы, позволяющие выявить его точку зрения на выделение Коми автономной области в отдельную административную единицу, а также узнать, как проводится в уездах новая экономическая политика. Особенность анкеты IX облпартконференции (1929) заключалась в том, что она была разработана на двух языках – русском и коми.

Анализ содержания этих документов позволяет более детально исследовать социальный состав делегатов по следующим параметрам: пол, возраст, социальное положение, занимаемая должность или выполняемая работа. Анкеты IV–IX партийных конференций (1923–1929) представляют сведения о национальности участников, III–VII конференций (1922–1926) – об их образовательном уровне.

В ходе изучения анкет было обнаружено, что в некоторые из них вносились

исправления. Возможно, это делали члены мандатной или технической комиссии, поскольку чаще других исправлялись сведения о социальном положении делегата и наделении его решающим или совещательным голосом. Следует отметить, что ни у членов комиссии, ни и у самих делегатов не было единства в вопросе о социальном положении. Специальный циркуляр ЦК ВКП(б) «Об определении социального состава организаций в партстатистике» от 12 августа 1925 г. и Инструкция по определению социального положения членов ВКП(б) и кандидатов в члены от 15 декабря 1926 г., на наш взгляд, отчасти способствовали механическому изменению принадлежности коммунистов к тому или иному классу, поскольку проблема улучшения социального состава РКП(б) – ВКП(б) была одной из приоритетных. Коми областная партийная организация по своему социальному составу отличалась от партии в целом тем, что в среднем более половины ее членов являлись крестьянами. Их удельный вес в разные годы был достаточно стабильным и высоким. Несмотря на систематическое обсуждение делегатами конференций этого вопроса, директивные установки центральных партийных органов за весь исследуемый период не были выполнены в полном объеме. Как отмечает Ш. Фицпатрик, в 1920-е гг. «проблемы классовой принадлежности были главным предметом озабоченности для партии большевиков и ее сторонников» [3, 30]. Анализ анкетных данных свидетельствует о том, что партийное руководство стремилось формально улучшить социальный состав делегатского корпуса.

Больше всего исправлений в графе «социальное положение» было замечено в анкетах делегатов VIII Коми областной партийной конференции (1927). Социальное положение «крестьянин» было изменено на «служащий» у двух женщин и шести мужчин. Например, участница нескольких партийных форумов Е. В. Одинцова на IV–VII конференциях определяла себя как крестьянку, однако на VIII конференции ее статус был кем-то исправлен на

«служащая». Возможно, это связано с тем, что к моменту проведения мероприятия она была членом областного суда (ранее Е. В. Одинцова работала в школе, затем возглавляла отдел обкома партии по работе среди женщин). То же произошло с анкетой Е. В. Венсевой – помощника прокурора области (фельдшера по профессии). Среди мужчин, чья запись в анкете была исправлена, можно назвать неоднократно избиравшихся на Коми облпартконференции Ф. Н. Ильчукова – заведующего агитационно-пропагандистским отделом обкома партии, М. Н. Харапова – секретаря Усть-Сысольской городской партийной организации и др.

Таким образом, исследование заявленной темы позволяет ответить на основной вопрос о месте и роли партийного строительства Коми автономной области в становлении государственности Коми и прояснить некоторые частные моменты: организационные основы проведения Коми областных партийных конференций, закрепленные в Уставе (периодичность, нормы представительства и т. п.), региональная специфика (официальный язык, наиболее актуальные проблемы, руководство социально-политической и социально-экономической жизнью региона и др.). В контексте указанной проблематики важным, на наш взгляд, становится изучение социального портрета делегатов Коми областных партийных конференций как элиты местных партийных организаций.

Поступила 26.06.2013

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Напалков, А. Д.* Место и роль КПСС в советской политической системе (1918–1991 гг.) (на материалах Коми областной коммунистической организации) / А. Д. Напалков, А. Ф. Сметанин ; ИЯЛИ Коми науч. центра УрО РАН. – Сыктывкар, 2011. – 56 с.
2. *Национальный архив Республики Коми.* Ф. П-1. Оп. 1.
3. *Фицпатрик, Ш.* Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х гг. // *Вопр. истории.* – 1990. – № 8. – С. 16–31.